

Н. М. МИНСКИЙ
<ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ>

Публикация С. А. Ипатовой

В библиографии мемуарной литературы о Тургеневе не зафиксирована небольшая по объему, но интересная по содержанию статья эпизодического знакомого писателя Н. М. Минского, включающая фрагменты воспоминаний. Наряду с уже опубликованными двумя отличающимися друг от друга вариантами воспоминаний Минского о Тургеневе,¹ она представляет собой прежде всего сопоставительный анализ творчества И. С. Тургенева и его великих современников — Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского и содержит немало тонких наблюдений. В то же время присутствующие в ней фрагменты мемуаров дают возможность сопоставить их с уже упомянутыми мемуарными очерками гораздо более позднего происхождения.

Обнаруженная в Рукописном отделе Института русской литературы в архиве З. А. Венгеровой и Н. М. Минского (Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 46) статья, а вероятнее всего текст выступления или лекции Минского представляет собой 6 машинописных страниц без заглавия и даты. При обработке архива статья получила условное заглавие «О Тургеневе, Толстом и Достоевском», что соответствует содержанию статьи лишь отчасти. Речь в статье идет прежде всего о Тургеневе и, как можно судить по некоторым деталям, она была написана в связи с каким-то юбилеем писателя.

¹ Первый — «Три часа у И. С. Тургенева» был напечатан автором в 1921 г. в парижской газете «Последние новости» (№ 215 от 2 января) и не так давно републикован в России (Литературное обозрение. 1993. № 11. С. 11—13 / Публ. и коммент. В. А. Александрова). Второй — неизвестный ранее мемуарный очерк Минского «Встреча с Тургеневым (Страница воспоминаний)» — был написан им в Лондоне в декабре 1931 г. для большевистского альманаха «Звенья», но по неизвестной причине не был напечатан. По предположению первого публикатора очерка С. В. Сапожкова, «формальной причиной отказа, вероятно, стала отрицательная рецензия Н. Анциферова, уличившего Минского в некоторых фактических ошибках <...> и оставшегося недовольным общим „впечатлением недостойных сплетен“, которое якобы, по его мнению, производят „многие сообщения Минского“» (Штрихи к портрету «странного Тургенева»: Неопубликованный мемуарный очерк Н. М. Минского / Вступит. заметка, публ. и коммент. С. Сапожкова // Новое литературное обозрение. 2005. № 72. С. 11). С. Сапожков сообщает также еще об одной статье Минского о Тургеневе, переведенной Марией Бессмертных на немецкий язык и напечатанной за рубежом, но считает ее «сокращенным и несколько видоизмененным» вариантом опубликованного им очерка (Там же). Газетная вырезка этого перевода хранится в РГАЛИ (См.: Штрихи к портрету... С. 11).

Прежде чем поставить вопрос о датировке публикуемой рукописи, необходимо напомнить некоторые факты биографии ее автора.

Николай Максимович Минский (Виленкин; 1856—1937) — довольно заметная фигура в литературной жизни последней трети XIX столетия.² Поэт, чьи первые опыты заслужили одобрение таких писателей, как И. А. Гончаров и И. С. Тургенев, оригинальный философ и создатель теории «меонизма» — разновидности религиозного обновленчества, драматург, публицист, переводчик, Н. Минский считается одним из зачинателей русского символизма. Выходец из бедной еврейской семьи, в 1875 году он окончил минскую гимназию, а с 1875 по 1879 год учился на юридическом факультете Петербургского университета (получив степень кандидата права). Быстро освоившись в литературных кругах Петербурга, Минский стал постоянным посетителем многочисленных литературных собраний и салонов, привлекая внимание как несомненным дарованием, так и нередко весьма эксцентрическим поведением. Творческий путь Минского был неровным: от народнических идеалов он отказывался в пользу «эстетизма», от эстетизма столь же резко поворачивал чуть не к марксизму и т. д. Оказавшись надолго в эмиграции из-за публикации в социал-демократической газете «Новая жизнь» знаменитого «Гимна рабочим» («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!...»; 1905), он в 1914 году ненадолго вернулся на родину, но вскоре вновь оказался за границей и окончил свои дни в Париже забытым и выключенным из русской литературно-общественной жизни.

Литературная деятельность Минского началась в 1876 году. Историю его первой публикации излагает Ф. Ф. Фидлер в своих дневниковых записях. Согласно Фидлеру, ввел Минского в литературу С. А. Венгеров, работавший тогда в газете «Новое время». Начинаящий поэт передал ему свое стихотворение «Сон славянина», которое появилось в печати «по настоянию Венгерова».³ На раннюю поэзию Минского оказали влияние народнические идеи и, как полагал он сам, традиции гражданской лирики Н. А. Некрасова и А. Н. Плещеева.⁴ Дебют молодого поэта в солидном «Вестнике Европы» (1877. № 1) состоялся при участии того же Венгерова, передавшего поэму «На родине» Е. И. Утину, а тот, в свою очередь, И. А. Гончарову, который оценил ее очень высоко и рекомендовал издателю журнала М. М. Стасюлевичу.⁵

В 1883 году дебютный сборник «Стихотворений» Минского подвергся жесткой цензурной расправе — весь отпечатанный тираж книги полностью был сожжен, против автора возбудили политическое дело, однако в связи с выходом манифеста по случаю коронации Александра III дело было закрыто. Из заключения министра внутренних дел графа Д. А. Толстого: «Таким образом, в форме как бы и общей поэзии, довольно умело и талантливо отделанной, — автор избрал однако особое содержание для нее, именно: проповедь революционных идей и прославление анархистов, подвергшихся уголовной каре за свои тяжкие преступления, причем краски народного угнетения и горя столь тенденциозно подобраны, что в общем производят удручающее впечатление на читателя, возбуждая в нем болезненно-безотрадные думы о родине <...>».⁶

² См.: *Чанцев А. В.* Минский Н. М. // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 2000. Т. 4. С. 79—84.

³ См.: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подготовил К. Азадовский. М., 2008. С. 466 (Сер. «Россия в мемуарах»).

⁴ *Чанцев А. В.* Минский Н. М. С. 79.

⁵ См.: *Венгеров С. А.* Русская литература XX века (1890—1910): В 3 т. М., 1914. Т. 1. С. 358; *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. С. 466—467.

⁶ Зд. и далее цит. по: *Минский Н., Добролюбов А.* Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., сост., подготовка текста и примеч. С. В. Сапожкова (*Н. Минский*) и А. А. Кобринского (*А. Добролюбов*). СПб., 2005. С. 328 (Сер. «Новая библиотека поэта»). Далее сокращенно:

В первом номере нелегальной газеты «Народная воля» (1879. 1 октября. № 1) Минский анонимно опубликовал поэму «Последняя исповедь. Посвящается казненным», сюжет которой вдохновил И. Е. Репина на картину «Отказ от исповеди» (1879—1885). Как полагает И. С. Зильберштейн, знакомство Минского и Репина состоялось в конце 1885 года. Репин узнал, что «так сильно взволновавшее» его произведение принадлежит Минскому, подарил картину поэту, у которого в 1892 году, по настоянию В. В. Стасова, она была приобретена П. М. Третьяковым. Во второй половине 1880-х годов Минский регулярно посещал репинские «четверги». Репину принадлежит карандашный портрет поэта, выполненный в 1888 году. «Холсты его, — писал Минский в статье, посвященной выставке работ Репина и его учеников, — представляют из себя страницы нашей истории, не менее живые и талантливые, чем роман Тургенева».⁷

Таким образом, в начале своей литературной деятельности Минский заводит контакты не только с либерально-демократической прессой, к примеру, с «Вестником Европы», с которым будет сотрудничать на протяжении пятнадцати лет в качестве «штатного» поэта, но и с изданиями народолюбцев. Подобные опыты «идейного самоопределения между леворадикальной и умеренной общественно-политическими группами русской интеллигенции», по мнению исследователя, «всегда показательны для мировоззренческой платформы раннего Минского. <...> народническим идеалам он пытается найти „либеральное“ истолкование, придать народолюбию русской интеллигенции не экономический, а глубоко духовный смысл».⁸

1884 годом датируется переход Минского на позиции «чистого искусства», после чего он начал позиционировать себя одним из зачинателей «нового искусства». Позже Минский становится известен как автор нашумевшего трактата «При свете совести: Мысли и мечты о смысле жизни» (СПб., 1890) — его основного философского произведения. С 1895 года становится ближайшим сотрудником «Северного вестника» (а одно время — секретарем редакции) — первого органа русских декадентов.

В декабре 1889 года Л. Н. Толстой в письме к В. Г. Черткову так оценивал философское и поэтическое творчество Минского: «Нынче я кончил читать книгу Минского „При свете совести“. Это замечательная книга. Первая часть необыкновенно сильна, и там есть много мест поразительных по силе, искренности и красоте выражения. Я чувствую кроме того родственность взглядов с собою. — Но конец о меонах это что-то ужасное по нелепости. Хорошо бы познакомиться с Минским, если он в Петербурге, вам и Ив<ану> Ив<ановичу>. Он известный и прекрасный поэт. Его есть чудесные вещи. Мне кажется, что ему можно бы помочь. Разумеется, для этого первое и главное уважение и любовь к нему, к<оторые> он заслуживает не только как всякий человек, но как человек с горячим сердцем и глубоким умом. — Он должно быть страшно самолюбив. <...> А человек это необычайной силы. <...> Напишите мне все, что узнаете о Минском».⁹

В ответном письме от 7 января 1890 года Чертков писал Толстому: «Минского книгу я читаю. Когда кончу ее, то навещу Минского, которого я знаю. Я даже несколько лет тому назад <...> очень горячо спорил с ним о нашем понимании жизни. Он <...> действительно самолюбив до противности. С тех пор как мне говорили, он очень внимательно слушал чтение вашей книги „О жизни“, под влиянием кото-

Минский. История цензурного провала сборника подробно изложена в комментариях к указанному изданию (С. 326—329).

⁷ Подробнее об этом см.: *Зильберштейн И.* История одного шедевра // *Новый мир.* 1950. № 9. С. 213—215.

⁸ *Сапожков С.* Поэзия и судьба Николая Минского // *Минский.* С. 9.

⁹ *Толстой.* Т. 86. С. 284.

рой он, по-видимому, и начал эту свою книгу. Изложение, действительно, велико-
лепное, и мысли часто меткие». ¹⁰

Любопытно сравнить отзыв Толстого с более поздними скептическими выска-
зываниями о ранней поэзии Минского, принадлежащими В. Я. Брюсову, Д. В. Фи-
лософову, А. Блоку, критику П. Пильскому. Брюсов в рецензии на 4 издание Полно-
го собрания стихотворений Минского в 4 томах (СПб., 1907) писал: Минский —
ученик С. Надсона, а у него и «его учеников размер стихов не имел никакого отно-
шения к их содержанию; рифмы брались первые попавшиеся». Их язык «невывра-
ботанный» и «пестрый», а характерными чертами такой «отжившей» поэзии, в от-
личие от «близких нам» стихов А. Фета и Пушкина, являются «шаблонные эпитеты,
скудный выбор образов, вялость и растянутость речи». Минский «в свое время,
очень точно усвоил себе все недостатки надсоновской манеры, усугубив их еще
<...> плохим знанием русского языка. Пересказывать в рифмованных строчках ба-
нальные общие места — вот что Минский в течение десяти лет считал делом поэта,
и это дело выполнял он с истинным рвением». ¹¹

По мнению Блока, «много в языке Минского уловимо и неуловимо нерусских
выражений». ¹² Более категорически высказывался П. Пильский: «Минский не поэт,
никогда им не был и, конечно, теперь уже (1909 год. — С. И.) никогда им не будет.
<...> Минский не владеет стихом. <...> Слово ускользало у него из-под пера, а его
лексикон был всегда бедным и ординарным». ¹³

В 1910 году между Философовым и Минским завязалась полемика на страни-
цах газеты «Русское слово». Анализируя пьесу Минского «Малый соблазн», Фи-
лософов высказал мнение, что автор, живший долго за границей, ¹⁴ «совершенно разу-
чился писать по-русски» и пренебрегает простейшими правилами грамотного ис-
пользования глагольных форм». ¹⁵ В ответном письме в редакцию «В защиту рус-
ского языка» Минский упрекал рецензента за излишне прямолинейное восприятие
произведения, в котором он пытался достичь особой языковой выразительности.
В том же номере газеты эту статью сопровождал ответ Философова: «...по совети
говоря, Минский не опроверг, а подтвердил предьявленное ему обвинение». ¹⁶

Наряду с Д. С. Мережковским, Ф. Сологубом, З. Гиппиус и К. Бальмонтом в
1890-х годах Минский воспринимался как сторонник «новой поэзии» и проповед-
ник «новой морали». В 1905 году он сблизился с большевиками (социал-демокра-
тами). По совету М. Горького, осенью этого года предоставил большевикам имею-
щееся у него право на издание газеты. ¹⁷ С 27 октября начала выходить первая
легальная газета большевиков «Новая жизнь», редактором-издателем которой чис-

¹⁰ Там же. С. 287—288.

¹¹ Брюсов В. Я. Н. Минский: Опыт характеристики // Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 235—236. Интересен тот факт, что примеры неудачных поэтических об-
разов, приведенные Брюсовым, были отмечены и Тургеневым в письме к М. М. Стасюле-
вичу от 5 (17) ноября 1879 г. См. сноски 29, 33, 36.

¹² Блок А. А. Письма о поэзии. 1. «Холодные слова» (1908) // Блок А. А. Собр. соч.:
В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 281.

¹³ Пильский П. Критические статьи. СПб., 1910. Т. 1. С. 62—65.

¹⁴ Минский эмигрировал в декабре 1905, а вернулся в марте 1914 г. Poleмика с Фи-
лософовым велась им из-за границы.

¹⁵ Русское слово. 1910. 2 июля. № 150. С. 3.

¹⁶ Там же. 23 июля. № 168. С. 4.

¹⁷ По свидетельству Ф. Ф. Фидлера, Минский, «получив официальное разрешение на
издание газеты (она вышла под названием «Новая Жизнь»), хотел продать его партии со-
циалистов-революционеров, но уступил все же партии социал-демократов, потому что те
предложили ему на полторы тысячи больше» (Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов.
С. 420—421).

лился Минский. Именно здесь он опубликовал получившее огромную популярность в тогдашнем Петербурге стихотворение «Гимн рабочим»:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть.
В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь.
Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть. <...>
Мир возникнет из развалин, из пожарищ,
Нашей кровью искупленный новый мир.
Кто работник, к нам за стол! Сюда, товарищ!
Кто хозяин, с места прочь! Оставь наш пир! <...>

В статьях, помещенных в первых номерах «Новой жизни», Минский пытался синтезировать социал-демократизм и мистицизм. В ноябре 1905 года Ленин на совещании большевистской части редакции газеты потребовал, по свидетельству присутствовавшего там В. А. Десницкого, «ликвидации поэта Минского как члена редакции».¹⁸

В заметках о Петербурге 1904—1905 годов З. Гиппиус скептически вспоминала о политической деятельности Минского в этот период: «И многих удивила поспешность, с какой Н. Минский, довольно известный в свое время „поэт“, кинулся прямо к социал-демократам (большевикам), стал даже подписывать газету Ленина. Но этот умный, — более умный, нежели талантливый, — стихотворец-философ <...> страдал всю жизнь каким-то странным беспокойством, где ни почувствует ему „последний крик времени“, туда, не разбирая, он и кинется. „Гражданский“ поэт 70-х годов — в конце века он уже старается „декадентить“; в Рел<игиозных> собраниях защищает „мистическую розу на груди церкви“; соблазнился, было, эллинизмом и хороводами в кружке Вяч. Иванова; но вот — социал-демократы; он „вполне сошелся с ними“, — им нужна философская „надстройка“; эту надстройку, „мэоническую“, он и будет производить в газете. Однако после двух социал-мэонических фельетонов, Минский в газете перестал появляться; кружку Ленина довольно было надстроек. Не помогали и постоянные выступления Минского, на всех эстрадах, с новым стихотворением, которое так и начиналось:

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..“

Кончилось же это совсем плохо: едва пошли разгромы — новые друзья „поэта“ скрылись, а он, „редактор“, к ужасу своему, попал в крепость. Выпущенный под залог, усердием друзей старых, — убежал за границу и превратился — неожиданно-негаданно, безвинно и бессмысленно, в вечного эмигранта».¹⁹

В том же регистре рассуждал об эмигрантском периоде жизни Минского Д. В. Философов в статье «История одного легкомыслия»: «Человек, поставивший на карту все свое духовное состояние для того, чтобы приобрести аудиторию и войти в общечеловеческую, проиграл все и ввергся в полное и безнадежное одиночество, обрел себя на бездомное скитание на чужбине, не вознаграждаемое даже сочувствием солидарных с ним людей».²⁰ Андрей Белый в своих воспоминаниях с иронией

¹⁸ Десницкий В. В. И. Ленин и М. Горький // Десницкий В. М. Горький: Очерки жизни и творчества. Л., 1935. С. 58.

¹⁹ Гиппиус З. Слова и люди (Заметки о Петербурге в 1904—1905 гг.) // Гиппиус З. Н. Арифметика любви: Неизвестная проза 1931—1939 годов. СПб., 2003. С. 422. «Впоследствии, — пишет Гиппиус в сноске, — сам автор не спорил, что стихотворение это как стихотворение — помимо всего прочего, — ужасно. Но признавался, что в те времена на все был готов, „хоть плясать“ перед аудиторией» (Там же).

²⁰ Философов Д. В. История одного легкомыслия // Наша жизнь. 1906. 30 марта. № 407. С. 2.

откомментировал этот эпизод биографии поэта, считавшего себя родоначальником русского символизма:²¹ «Минский, считавший отцом символизма себя, мне годился в отцы; он себя объявил социал-демократом; газету „Начало“, где Ленин писал, редактировал несколько дней». И далее Белый описал Минского, жившего в эмиграции в Париже: «...не пристало отцу декадентов, входившему в возрасты „деда“, вникать в непотребства; разврат смаковал, точно книгу о нем он писал; с потиранием ладошек».²²

Особое отношение Минского к И. С. Тургеневу было вызвано тем, что известный писатель очень рано обратил внимание на стихи начинающего поэта и даже высказал несколько замечаний. Постоянный автор и читатель «Вестника Европы», состоявший в дружеской переписке с его издателем, Тургенев принял участие в судьбе Минского и впоследствии даже познакомился с ним лично. В февральской книжке «Вестника Европы» за 1877 год (С. 678—683) был опубликован цикл стихотворений Минского, побудивший И. С. Тургенева в письме Стасюлевичу из Парижа от 6 (18) февраля 1877 года тепло отозваться о таланте поэта и высказать некоторые замечания по поводу стихотворений «Корабль» и «Минул тяжелый день...»: «У г. Минского (настоящее имя?) есть несомненные искры таланта — но надо ему еще потрудиться над формой. Что такое: „мелкое ядро“?»²³ И как могут в *корабле* „кипеть гордые думы“?»²⁴ Но в каждом стихотворении есть *зерно*; это главное... И есть общая звучность, хотя еще нет отдельных красивых звуков — нет истинно поэтических эпитетов. Но всё это может прийти».²⁵ Судя по всему, начинающий поэт прислушался к голосу маститого писателя. Во всяком случае, он не включил ни одно, ни другое стихотворение в последующие сборники.

Поэма Минского «Белые ночи», опубликованная два года спустя (ВЕ. 1879. № 11), снова обратила на себя внимание Тургенева, который дал развернутый отзыв о новой публикации, что уже само по себе свидетельствовало в пользу молодого дарования. Минский и на этот раз прислушался к голосу своего неожиданного критика. В первом своем поэтическом сборнике 1883 года он во многом учел замечания писателя. В письме к Стасюлевичу от 5 (17) ноября 1879 года Тургенев писал из Буживаля: «Ноябрьский № „Вестника Европы“ пришел сегодня утром — и я первым делом прочел „Белые ночи“. Нет никакого сомнения, что Минский настоящий, своеобразный талант: насколько в нем разовьется его сила, это покажет будущее. Как старый словесник, позволяю себе сделать следующие замечания. (Некоторые могут показаться мелочными — но в деле поэзии надо, чтобы, как говорится, не было ни сучка ни задоринки.)

В „1-й ночи“ (которая вообще прелестна) не понравился мне 13-й стих: коли лучи „мерцают“, то как же они могут „играть прихотливо“. Неточно.²⁶

Во „2-й ночи“ <...> „от черты твоей всякой“ — очень прозаично.²⁷ <...> „высокая жертва ничтожного века“... выражение фелъетонное: фразисто и опять неточ-

²¹ См.: Минц З. Г. Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сборник IX. Памяти Д. Е. Максимова. Тарту, 1989. С. 44—57.

²² Белый А. Между двух революций / Подготовка текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 145, 158.

²³ У Минского: «Минул тяжелый день — и ночь сошла с небес. / Прочь, мелкое ядро заботы и страданий!» (Минский. С. 289).

²⁴ У Минского: «В нем думы гордые кипели» (ВЕ. 1877. № 2 (Февраль). С. 678).

²⁵ ДССыП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 89; см. также с. 544.

²⁶ У Минского осталось без изменений: «Нет блеска в цветах. Все слились переливы. / Лучи не мерцают игрой прихотливой <...>» (Минский. С. 110).

²⁷ У Минского осталось без изменений: «Чем-то веяло детским и строго стыдливым / От черты твоей всякой: ты искренен был» (Там же. С. 112).

но.²⁸ В конце „2-й ночи“: „преддверья” и „потери” — хромая рифма.²⁹ У Пушкина таких не найдешь. Также и в „3-й ночи“: „бледная” и „беззаветная”.³⁰

В „4-й ночи” — не лезет мне в горло дождь, „мощный, как судьба” (Да еще „серый, как могила”. Что за серая могила? — Примеч. Тургенева).³¹ В 3-й строфе — „вёртятся” вм.: „вертятся”.³² В последней строфе опять хромая рифма: „лицей” и „жилища” — и что такое: пища грома?³³

В „5-й ночи” <...> — „гнездо” является „нарушенным”. Очень что-то странно.³⁴ Также <...>: „богиня страдает обильно” (?).³⁵

Но всё же — „ubi plura nitent in carmine, non ego paucis offendar maculis” — и я от души приветствую этот новый симпатический талант — и желаю ему всяческо-го преуспевания”.³⁶

Сочувственный отклик Тургенева на поэму был подготовлен отзывом из письма Стасюлевича, в ответ на которое Тургенев писал: «С нетерпением ожидаю прибытия ноябрьского № „Вестника Европы”: отличные стихи в наше время — да это именно то, что французы называют un merle blanc!».³⁷

Согласно комментарию к письму, критические замечания, высказанные Тургеневым по поводу «Белых ночей», Стасюлевич, по всей вероятности, сообщил Минскому: характерная авторская правка, которой подверглась поэма при переиздании,

²⁸ В *ВЕ* было: «И ты умер, товарищ, любя человека, / Пал высокою жертвой ничтожного века» (1879. № 11. С. 275). В сборнике 1887 г. Минский доработал указанный стих: «Пал незлобивой жертвою злого века» (*Минский Н. М.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 18).

²⁹ В *ВЕ* было: «Пойдешь вправо — жди совести тяжкой потери, / Пойдешь прямо — съедят тебя лютые звери, / А налево пойдешь — станешь зверем ты сам... / — И заснуть о, друзья, предпочел я в преддверья...» (1879. № 11. С. 276). Минский оставил это замечание без внимания.

³⁰ В сб. 1883 г. Минский внес поправку: «Кто она? Чья она? Добрая, бледная, / С ласковой скорбью на тонких устах, / Светит-лучится любовью *всепобедная* / В девственно-скромных глазах» (*Минский*. С. 113. Выделено мною. — *С. И.*).

³¹ В *ВЕ* было: «Льетса, льетса дождик медленно и ровно, / <...> Серый, как могила, мощный, как судьба» (1879. № 11. С. 277). В сб. 1883 г. Минский внес исправление в ст. 3: «Тихий, как могила, мощный, как судьба» (*Минский*. С. 114). Впоследствии он еще раз вернулся к этому стиху: в издании 1887 г. читаем: «Долгий, как изгнание, мощный, как судьба» (*Минский Н. М.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 84).

³² В исправленном Минским тексте сб. 1883 г.: «Праздные вопросы *тянутся* лениво» (*Минский*. С. 114. Выделено мною. — *С. И.*).

³³ У Минского было: «Знаю, гром ударит и в людей жилища, / Может, сам я первый стану грома пищей...» (*ВЕ*. 1879. № 11. С. 278). В сборнике 1883 г. Минский полностью исключил последний катрен, но в следующем сборнике 1887 г. восстановил в исправленном виде: «Знаю: гром ударит и в мое жилище, / Может быть, я первый стану грома пищей...» (*Минский Н. М.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 85. См. также: *Минский*. С. 335).

³⁴ В *ВЕ* было: «Над каждым, чуть нарушенным гнездом?» (1879. № 11. С. 278). В сб. 1883 г. Минский исправил: «Над каждым чуть *порушенным* гнездом?» (*Минский Н. М.* Стихотворения. СПб., 1883. С. 65. — Выделено мною. — *С. И.*). В исправленном тексте сборника 1887 г.: «Над каждым чуть затронутым гнездом?» (*Минский Н. М.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 86. См.: *Минский*. С. 336).

³⁵ Это замечание не было учтено: «Да, кротостью в те дни любовь моя была. / Богиней ласковой и страждущей обильно <...>» (*Минский*. С. 116).

³⁶ *ЛССИП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 170—171. В публикации допущена ошибка в прочтении: вместо «жилище» следует читать «жилища». «Когда в общем стихотворение прекрасно, я прошоно кое-какие недостатки» — *лат.*

³⁷ Там же. С. 158, 493. Комментарий А. И. Батого. Буквально: «белый скворец»; здесь: «дикивинка» — *франц.*

свидетельствует о знакомстве поэта с тонкими, дельными замечаниями писателя. В целом, о том, насколько внимательно отнесся Минский к правке Тургенева, свидетельствует тот факт, что уже в сборнике 1883 года поэт учел 7 из 12 замечаниям. Более того, в следующем сборнике (1887 года) он вновь вернулся к тургеневским поправкам.³⁸

В архиве М. М. Стасюлевича сохранились неопубликованные письма Минского к издателю «Вестника Европы», в которых он благодарит Стасюлевича за какие-то высказанные замечания и в свое оправдание приводит веские аргументы: «Весьма благодарен Вам за замечания. С самого детства, благодаря некоторым польским наставникам и знакомым, я несколько слов употребляю неправильно до сих пор, несмотря на то, что неоднократно был поправляем. Таким образом, в одно из прошлых годов моих стихотворений слово „вспоминать“ попало вместо слова „напоминать“, о чем вскоре мне напомнили в какой-то газете».³⁹ «Весьма благодарен Вам за то, что Вы дали мне возможность поправить некоторые неточности в стих<отворении> „Статуя“. Если Вы намерены поместить вместе с ним еще некоторые стихотворения <...> может быть, и в них придется сделать кой-какие поправки».⁴⁰

Любопытно, что в очерке «Встреча с Тургеневым» Минский приводит самокритичное высказывание Тургенева о своем знании русского языка, якобы произнесенное им в беседе с ним: «Теории русского языка я не знаю, — продолжал распространяться Тургенев на эту свою любимую тему. — Я, кажется, пишу не дурно по-русски, а до сих пор (кокетничал он) не отличаю там наречий от причастия».⁴¹ Возможно, тема беседы была продолжением суждений Тургенева по поводу стиля своего собеседника, и в связи с этим писатель сделал подобное признание, чтобы как-то смягчить свои замечания.

Согласно протоколу заседания Главного управления по делам печати от 30 октября 1879 года, за публикацию поэмы «Белые ночи» «Вестнику Европы» было вынесено частное определение: журнал «печатает иногда такие статьи, которые в настоящее время могут быть толкуемы в дурном смысле»; заключительные строки «ночи пятой», «в которых обрисовывается картина народного восстания, могут на-

³⁸ Там же. С. 500—501. Как установил С. В. Сапожков, Батюто («в своих выводах опирался только на текст поэмы в редакции» 1896 г., «почему-то оставив без внимания более ранние редакции», в то время как согласно редакции 1883 г. «из всех замечаний Тургенева Минский учел только ту часть, которая касалась „Ночи четвертой“ <...> а также исключение последнего катрена, в котором Тургеневу не понравилась строчка „...я первый стану грома пищей“. <...> К остальным советам Тургенева («неточные» и «прозаичные» фразы, «хромые» рифмы и т. п.) Минский не прислушался» (*Минский*. С. 337). Стоит отметить, что обращение комментатора письма Тургенева к более позднему сборнику могло быть обусловлено желанием подвести итог процессу доработки Минским «Белых ночей» по замечаниям Тургенева, поскольку поэт возвращался к этим замечаниям и позднее. Кстати, С. Сапожковым в его текстологическом комментарии не отмечена правка в ст. 147—148 «Ночи третьей», на что было указано А. И. Батюто (рифма «бледная» / «всепобедная» вместо «бледная» / «беззаветная»). Эта правка была также сделана по замечаниям Тургенева. Не учел исследователь и правку в «Ночи пятой»: «нарушенным» / «порушенным». Вряд ли также можно согласиться с утверждением С. В. Сапожкова, что «пропуск строк 12—13» в «Ночи первой» объясняется, «вероятно, ошибкой наборщика» (*Минский*. С. 335). Гораздо более вероятно, что эти стихи были исключены по замечаниям Тургенева, подвергшего критике ст. 13 (см. выше). Важно и то, что Минский помнил о словах Тургенева и в следующих сборниках продолжил дорабатывать стихи.

³⁹ *РО ИРЛИ*. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 2. Письмо от 6 марта 1878 г.

⁴⁰ Там же. Л. 1. Письмо от 13 января 1877 г.

⁴¹ *Минский Н.* Встреча с Тургеневым. С. 23.

вести читателя на мысль, что современное наше положение способно привести к подобному результату».⁴²

Во всех трех очерках Минского говорится о посещении им Тургенева в Буживале и Париже, однако датируется этот визит автором разноречиво: «летом 1881 года» («Три часа у Тургенева». С. 11), «летом 1880 года» («Встреча с Тургеневым». С. 19), «незадолго до смерти Тургенева» (публикуемая статья). Известно, что Минский принял участие в одном из литературно-музыкальных вечеров Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, на котором присутствовал приглашенный Тургеневым знаменитый эмигрант П. Л. Лавров и где сам писатель должен был прочесть отрывок из нового произведения И. Я. Павловского, участника процесса 193-х, автора очерка «В одиночном заключении: Впечатления нигилиста», незадолго до этого вечера опубликованного на французском языке (в пер. А. Н. Луканиной) с предисловием и послесловием Тургенева.⁴³ На этом вечере Минский прочел два своих гражданских стихотворения.

Тургенев, секретарь Общества, был инициатором этого заседания, состоявшегося 2 (14) февраля 1881 года, но по причине болезни присутствовать не смог. Накануне утром он сообщил о своей болезни в письме к помощнику секретаря Общества художнику Н. Э. Саксу. В самом начале вечера Сакс зачитал перед публикой извинительное письмо Тургенева. На этот вечер был приглашен и Минский. Сохранилась визитная карточка Минского, адресованная Саксу, в которой он просит провести на вечер своих знакомых.⁴⁴

Таким образом, посещение Минским Тургенева должно было, судя по всему, произойти накануне этого литературно-музыкального вечера. Факт их едва ли близкого знакомства подтверждается сведениями о том, что при посещении писателя Минский представил ему рекомендательное письмо от Стасюлевича.

Сохранилось несколько воспоминаний об этом скандальном вечере. После выступлений скрипача А. Д. Бродского, учениц Полины Виардо, чтения самого И. Я. Павловского вышел Минский и начал со стихотворения «Две ступени» (в сборнике 1883 озаглавленного «Казнь жирондиста», с подзаголовком «К картине К. Мюллера в Люксембургском музее»), в котором повествовалось о казни революционера. Публика пришла в замешательство, но аплодировала. Демонстративно встал и покинул зал барон Л. А. Фредерикс, русский военный агент. Чтение Минским «Казни жирондиста», по воспоминаниям писательницы А. Н. Луканиной, произвело скандальное впечатление.⁴⁵ Далее Минский прочел второе стихотворение, по выражению П. А. Сергеенко, еще более «жупельного» содержания. Фешенебельная публика спешно покидала зал.⁴⁶

Председатель Общества художник-маринист А. П. Боголюбов оставил воспоминания о так называемой «лавровской истории» и об участии в ней Минского:

⁴² Цит. по: *Минский*. С. 336.

⁴³ См. *Драффен К. К.* Скандал, который удалось замать // *Панорама искусств*. М., 1980. Вып. 3. С. 311. По воспоминаниям А. П. Боголюбова, Тургенев собирался читать свой новый рассказ (*Боголюбов А. П.* Из «Записок моряка-художника» // *Тургенев в воспоминаниях современников*. М., 1988. С. 344).

⁴⁴ Российский фонд культуры (Москва). Альбом «Оригинальные рисунки различных художников. Автографы» (Ед. хр. 8866). Благодарю В. А. Клейста, предоставившего мне эти сведения.

⁴⁵ *А. Л.* <*Луканина А. Н.*> Мое знакомство с Тургеневым // *Северный вестник*. 1887. № 3. С. 78.

⁴⁶ См. *Драффен К. К.* Скандал, который удалось замать. С. 313. См также: *Хин Р. М.* Глава из неизданных записок // *Под знаменем науки: Юбилейный сб. в честь Н. И. Сторожанка*. М., 1902. С. 378—383; *Гитлиц Е. А.* Тургенев и «лавровская история» // *Т Сб.* Вып. 4. С. 272.

«Ну, вот началось чтение. Вышел поэт, еврей-прохвост, и вместо стихотворения о луне и ночной росе прочел, как Каракозова вели на виселицу и его думы. Я ахнул! Подхожу к нему и говорю: „Вы поступили против программы. Это очень может дурно отразиться на Обществе нашем, цель которого мир, но не революция”. Он побледнел, взял шляпу и ушел сейчас же, сказав что-то Лаврову, который, в свою очередь, встал и гордо вышел».⁴⁷ По воспоминаниям свидетеля этой сцены П. А. Сергеенко, Боголюбов походил на «разгневанного Юпитера.

— Как попал к нам этот стихотворец?! Кто мог порекомендовать его в члены нашего общества?!». Оказалось, что Минский был рекомендован казначеем общества банкиром бароном Г. О. Гинцбургом,⁴⁸ с которым Минский в этот период проживал в Париже в качестве учителя его детей. Тургеневу «хотя и с трудом, удалось отстоять существование клуба».⁴⁹

Некоторые биографические факты из жизни Тургенева, описанные Минским в очерках 1921 и 1931 годов, вполне достоверны и подтверждаются другими свидетельствами, включаясь, таким образом, в ряд имеющих место событий, а не вымыслов. Однако есть в воспоминаниях Минского эпизоды, которые, вероятно, следует квалифицировать как устойчивые мифологические сюжеты, то есть биографические анекдоты, сопутствующие большинству известных писателей, то, что подпадало в разряд, по определению Анциферова, «недостойных сплетен». И Тургнев не стал исключением в этой сложившейся традиции. По мнению исследователя биографии и творчества Минского С. В. Сапожкова, Тургнев испытывал «пристрастие» к рассказыванию литературных анекдотов о жизни известных отечественных и зарубежных литераторов, суждения о которых «черпал» из массовой рецепции. Минский, полагает исследователь, «добросовестно» фиксирует во «Встрече с Тургневным» такого рода анекдоты, отмечая эту склонность как черту «творческой психологии Тургенева», подтверждаемую свидетельствами других мемуаристов. Однако приведенное исследователем единственное высказывание П. В. Анненкова о «наклонности» писателя к «поэтической лжи» нельзя расценивать как многочисленные свидетельства мемуаристов, к тому же едва ли под поэтической ложью Анненков имел в виду сплетни и слухи. Так называемые мемуарные очерки Минского о Тургенеve и 1921 года, и 1931 года полны неувязок, логических и фактических несообразностей. Требуется тщательный научный комментарий, если есть желание объективировать воспроизводимые пикантные эпизоды.

Так, наряду с известными фактами творческой биографии Тургенева, заслуживает внимания свидетельство о неосуществленном замысле Тургенева романа «Самист», приведенное во всех трех очерках Минского. В то же время Минский настойчиво повествует о факте своего знакомства с Достоевским, не зафиксированном, однако, ни одним из имеющихся биографических источников. В обоих текстах опубликованных воспоминаний Минский пишет, что был представлен Достоевскому именно Тургневным на обеде в Петербурге, устроенном «с целью примирения» обоих писателей. Вот как выглядит этот эпизод в очерке 1921 года: «...в антракте <...> оба великих писателя отошли в сторону и, усевшись в коридоре на подоконнике, мирно беседовали между собою. Я случайно прошел мимо. Тургнев подошел меня и представил Достоевскому, который сказал мне несколько обычных в таких случаях одобрительных слов. Тогда эти слова прозвучали для меня, как будто их произнес голос с неба».

Через десять лет в передаче Минского эта же сцена обросла новыми беллетристическими подробностями: «...на знаменитом обеде, который был устроен Тургенеvu с целью примирения с Достоевским. За закусочным столом они стояли рядом.

⁴⁷ Боголюбов А. П. Из «Записок моряка-художника». С. 345.

⁴⁸ <Сергеенко П. А>. Из прошлого. Литературный вечер в Париже // Русское слово. 1908. № 16. 19 янв. (1 февр.). С. 2 (Подп.: Старый литератор).

⁴⁹ Штрихи к портрету... С. 23.

Тургенев не прикасался к закускам. Достоевский же, к общему удивлению, налил в стаканчик чистого абсента и одним духом выпил. После обеда Тургенев и Достоевский ушли вдвоем в коридор, где сели на подоконник и беседовали. Я случайно прошел мимо. Тургенев подозвал меня и представил Достоевскому как молодого поэта. Достоевский пожал мне руку и пробормотал: „Хорошо. Хорошо. Пишите. Работайте”». ⁵⁰ Как справедливо отмечено С. В. Саложковым, Минский ошибся в дате этой встречи, указав «осень 1880 года». Речь шла, скорее всего, об обеде, состоявшемся 16 марта ст. ст. 1879 на квартире у редактора-издателя «Недели» П. А. Гайдебурова после литературно-музыкального вечера в пользу Литературного фонда, который состоялся в зале Благородного собрания. На вечере выступали оба писателя. Впечатления от этого вечера, прошедшего в атмосфере редкого единства, сохранились в письме Н. А. Соловьева-Несмелова к И. З. Сурикову от 21 марта 1879: «В заключение вызвали вместе И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского, и они на эстраде крепко пожали друг другу руки». ⁵¹ Хотя присутствие Минского на этом вечере и последовавшем за ним обеде документальными источниками пока не подтверждается, полностью отрицать факт его встречи с обоими писателями в тот день исключать нельзя.

В обоих опубликованных мемуарных очерках, разделенных по времени десятилетием, Минский свидетельствует также об эпизоде скандальной исповеди Достоевского перед Тургеневым в так называемом «старогинском грехе», факте, якобы поведенном Минском самим Тургеневым. Рассказ об этой «исповеди» Достоевского устойчиво циркулировал в различных устных и печатных версиях в мемуарной литературе о писателе. В разное время о ней писали П. А. Висковатый, И. И. Ясинский, Д. В. Григорович, К. В. Назарьева, А. И. Фаресов. Говорится об этом и в известном письме Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 года.

Исследователь творчества Достоевского В. Н. Захаров, специально изучавший эту биографическую легенду, опроверг ее как факт, имевший место в биографии Достоевского. Не было ни встречи писателей, ни «исповеди» Достоевского и прежде всего потому, что все версии противоречат имеющимся биографическим данным писателей, а также специфике их личностного общения. Исследователь пришел к заключению, что «исповедь» всецело была выдумана Тургеневым как основа подготавливаемого им ответного хода на образ Кармазинова. Ясинский, как предположил Захаров, мог узнать этот «анекдот» от кого-то из окружения М. М. Стасюлевича, сотрудничавшего в «Вестнике Европы». ⁵²

Из очерка 1921 года становится очевидным, что именно Минский, по его собственному признанию, был тем «посредником», от которого И. Ясинский получил сведения об «исповеди» Достоевского и обнародовал их дважды — в рассказе «Исповедь» (1888) и в мемуарном «Романе моей жизни» (1926), оговариваясь, правда, что едва ли Достоевский «убивал старух, чтобы описать преступление Раскольникова, или, в самом деле, насиловал крохотных девочек, чтобы выворотить наизнанку душу Ставрогина или Свидригайлова». Ясинский полагал, что «сам Достоевский был причиной того, что до сих пор пишут целые книги об его сластобесии». Собственный же беллетризованный рассказ об этом («Исповедь»), где Достоевский и Тургенев выведены под вымышленными, но достаточно прозрачными именами (Херувимский и Карагин), он расценивал как «чистейший вымысел».

В гостиницу к Тургеневу, — пишет Ясинский в мемуарах, — внезапно пришел Достоевский, когда тот «лежал в лонгшезе», укутанный теплым пледом, и «ел по-

⁵⁰ Минский Н. Три часа у Тургенева. С. 13. Ср.: Минский Н. Встреча с Тургеневым. С. 23.

⁵¹ ЛН. Т. 86. С. 477.

⁵² См.: Захаров В. Н. Проблемы изучения поэтики Достоевского: Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 1978. С. 75—109.

жарскую котлетку», запивая красным вином. «Не хотите ли позавтракать», — спросил Тургенев. «Нет, мерси боку, Иван Сергеевич, душа моя вопит и даже как бы смердит», — игриво отвечает Достоевский. Все последующее описание «исповеди» Достоевского, оскорбившей благородного Тургенева «возмутительнейшими подробностями» об «истинном рае», проведенном с гувернанткой-француженкой и ее тринадцатилетней воспитанницей, сильно отличается от обоих повествований Минского, который, если верить ему, первым поведал Ясинскому об этой встрече Тургенева с Достоевским. Уходя, Достоевский «посмотрел на Тургенева» каким-то блаженным взглядом: «А ведь это я все изобрел-с, Иван Сергеевич, единственно из любви к вам и для вашего развлечения».

Существенные расхождения обнаруживаются не только в сюжетике имеющих текст Минского и Ясинского), расходятся авторы и в том, кто выдумал эту историю. Минский (а вслед за ним Захаров) полагает, что сочинил ее Тургенев; по версии Ясинского, сцена свидания двух писателей имела место, но события этой «исповеди» были придуманы Достоевским: «Рассказывая об этом свидании, Тургенев заключал всегда (!) с уверенностью, что, конечно, „старый сатир“ и ханжа все это, действительно, выдумал <...>. Загадочная душа была у Достоевского», — подводит итог Ясинский.⁵³ Любопытно, что подобного «заключения» нет ни в одном из мемуарных очерков Минского. При этом «достоверность» всех мемуаристов основывается прежде всего на том, что Тургенев и Достоевский действительно встречались. Но и только.

Стилистика повествования словно травестирует романы самого Достоевского, который окарикатурен в этой сцене до неузнаваемости и, бесспорно, уподоблен юродствующему Федору Павловичу Карамазову. Тургенев же удивительным образом напоминает Кармазинова во время визита к нему Петруши Верховенского («Бесы»): «он кушал утреннюю свою котлетку с полстаканом красного вина», на «колених его был развернут до полу шерстяной клетчатый плед». «Не желаете ли завтракать?» — спросил хозяин.⁵⁴ Нет сомнений, что конструируя «биографический» эпизод из жизни Достоевского, Ясинский использовал его творчество, причем из его повествования становится «очевидным», что он *не раз* слышал от самого Тургенева историю «исповеди».

Эпизод, дважды описанный Минским, имеет существенные сюжетные различия, причем более поздняя версия (1931 года) обогатилась новыми живописными подробностями и психологическими деталями. В отличие от раннего очерка, целью которого было, как пишет автор, «восстановить истинный <...> облик» Тургенева и Достоевского,⁵⁵ позиция позднего Минского в отношении подлинности этого эпизода существенно меняется и он как мемуарист сознательно дистанцируется от объекта своего повествования: «Я должен сознаться, что когда Тургенев рассказывал мне об этом инциденте, мне казалось, что он не столько вспоминает, сколько сочиняет. Слишком рассказ был литературно отшлифован, для того чтобы быть верной передачей подлинного события».⁵⁶

Литератор А. И. Фаресов, входивший в окружение Минского и Ясинского, со слов детской писательницы и корреспондентки Достоевского К. В. Назарьевой, которая, однако, никогда не встречалась с ним, передавал М. Слониму, будто сам Достоевский рассказывал ей о соблазненных им девочке и гувернантке.⁵⁷

Не вдаваясь в причины возникновения этой биографической легенды и ее устойчивой циркуляции, а также в существование фабульных различий между ее вариантами, отмечу, что не представляется убедительной мысль, высказанная С. В. Сапож-

⁵³ Ясинский Иер. Роман моей жизни: Книга воспоминаний. М.; Л., 1926. С. 168—169.

⁵⁴ Достоевский. Т. 10. С. 285.

⁵⁵ Минский Н. Три часа у Тургенева. С. 11.

⁵⁶ Минский Н. Встреча с Тургеневым. С. 22.

⁵⁷ Слоним М. Три любви Достоевского. М., 1991. С. 189.

ковым в преамбуле к публикации воспоминаний Минского 1931 года, о том, что все редакции этого анекдота (Минский, Ясинский, Григорович) отнюдь не взаимоотрицают друг друга и не «аннигилируются», как полагает В. Н. Захаров, а наоборот проявляют в качестве своего общегенетического ядра концепцию «русского де Сада», оформившуюся в сознании Тургенева в последние годы его жизни. Эта точка зрения явным образом примыкает к версии Минского. При этом, как ни странно, даже не ставится под сомнение подлинность поведения Тургенева, который едва ли мог так «разоткровенничаться» с почти незнакомым ему молодым человеком. Если же сопоставить «подлинность» этого эпизода с очевидной нелепостью других, присутствующих в воспоминаниях Минского, то несомненным станет его явное несоответствие действительности.

Согласно еще одной точке зрения, сформулированной С. Н. Булгаковым, «исповедь» Достоевского могла быть «надрывом» самоуничужения, — при болезненной сложности характера Достоевского возможна и прямая клевета на себя». ⁵⁸

Цель своей вступительной заметки публикатор очерка Минского 1931 года видит в том, чтобы «не обвинить или оправдать двух писателей, а прокомментировать документальное свидетельство, которое, с учетом принципиального антагонизма мировоззрений Тургенева и Достоевского, поможет в какой-то мере понять логику их драматических взаимоотношений, давно ставших общепризнанным фактом русской культуры». Исследователь не исключает, однако, что воспоминания Минского «не свободны от ошибок», но с точки зрения «их достоверности, вполне отвечают добротному среднему уровню „забытых“ и „второстепенных“ мемуарных источников биографии Тургенева». ⁵⁹ Если вчитаться в комментарии С. В. Сапожкова, то станет очевидным, что никаких «документальных свидетельств» в пользу достоверности изложенных Минским «пикантных» эпизодов он не привел, ограничиваясь общеизвестными фактами.

По возвращении из Буживаля в Петербург, согласно Минскому, он рассказывает этот сюжет Ясинскому как услышанный от Тургенева. Факт литературной вражды и личностной неприязни двух писателей был общеизвестен, поэтому особых беллетристических усилий не требовалось, чтобы вписать в эту биографическую фактуру повсеместно циркулирующий анекдот, придав собственной личности историческую значимость конфидендента самого Тургенева. Возможно, именно этими мотивами объясняется тот факт, что позже и Ясинский утверждал, будто «исповедь» Достоевского стала ему известна «со слов Тургенева». ⁶⁰ Назарьевой же об этом «лично» рассказывал Достоевский. Пугает не столько количество конфидендентов, сколько степень достоверности их свидетельств.

Отличие от вышеприведенных воспоминаний Минского о встречах с Тургеневым, публикуемый очерк начисто лишен всех атрибутов желтой прессы. Единственное упоминание о встрече с Тургеневым, касающееся нереализованного замысла писателя (несомненно, подлинное), в окончательном варианте даже завуалировано: Минский зачеркивает повествование от первого лица и вносит вариант «рассказа» от лица своего знакомого литератора. В своей юбилейной статье, посвященной писателю, Минский пытается понять, почему лучи тургеневской славы потускнели в период первой русской революции, в отличие от возросшей популярности Толстого и Достоевского, и приходит к выводу, что Тургенев является художником Ренессанса, а не Реформации, и потому в «период борьбы, исканий и разрушений» тихое, гармоничное «обаяние тургеневского слова» не будет иметь могущества до тех пор, пока не наступит фазис созидания и Ренессанса.

⁵⁸ Булгаков С. Н. Русская трагедия: О «Бесах» Ф. М. Достоевского // Русская мысль. 1914. № 4. С. 25.

⁵⁹ Штрихи к портрету... С. 17.

⁶⁰ Ясинский И. И. О Достоевском // Петербургская газета. 1908. 10 июня. № 157. С. 2.

В свое время В. В. Розанов жестко констатировал эту не только читательскую, но и научную интенцию, квалифицировав ее как «безмолвие исторического почтения» Тургенева; он, так же как и Минский, не почувствовал всей многомерности такого имплицитного восприятия: «Имя Тургенева без вражды, без полемики, без ясных причин тихо замерло в сознании живущего сейчас поколения. Мало кого называли так редко, как его, в литературе, в беседах истекших двух десятилетий. Конечно, печаталась всякая записочка, подписанная его именем; никакое воспоминание о нем не получало отказа в печатном станке. Но это все знаки академического почтения. Тургенев вошел в то безмолвие исторического почтения, где так тихо, как в могильном склепе. Его статуя поставлена в пантеон русской славы, поставлена видно и вечно; ее созерцают, но с нею не переговариваются ни о чем живом живые люди».⁶¹

Что касается литературоведения конца XIX — начала XX веков, «умалчивающего» Тургенева, в первую очередь символистского, одной из основных причин, вероятно, было его противостояние позитивистской науке о литературе, видевшей в творчестве писателя «прогрессистские» аспекты.

Эстонская исследовательница Л. Пильд, тщательно проанализировав в своей монографии рецепцию Тургенева культурным и художественным сознанием Серебряного века, приходит к любопытному выводу, что интерпретация «тургеньевской» темы «у символистов отличается, например, от рецепции творчества Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского тем, что перечисленные имена присутствуют в большинстве символистских теоретических деклараций и занимают там центральное место». Тургенев осваивался символистами в иной интерпретационной многомерности, локализуясь в другой жанровой плоскости — эпистолярной, дневниках, записных книжках. «На уровне имплицитной поэтики обращение к Тургеневу проявляется как медленное, поэтапное освоение новых форм в искусстве, а на уровне эксплицитных высказываний — как „отгораживание“ и „забывание“».⁶² Это наблюдение подтверждается, например, следующим фактом. Л. Андреев, нередко открыто отрекшийся от «влияния» Тургенева, в последнем «Дневнике» записал: «...надо бы у старой туфли Тургенева позаимствовать умения описывать женщин <...>».⁶³ И далее: «За это время прочел с удовольствием и злостью почти всего Тургенева, сейчас читаю Гончарова».⁶⁴

Очевидно, что публикуемая рукопись Минского является хронологически самой ранней (предположительно, август — октябрь 1908 г.) из тех, что были упомянуты, а стало быть, по времени наиболее приближенной к реальным событиям встречи Тургенева с автором. Датировка рукописи может быть определена лишь условно. Нам не удалось выявить факт выступления Н. Минского на одном из юбилейных вечеров, не зафиксировано это выступление и в просмотренных мемуарных источниках. Основанием для установления даты публикуемой рукописи послужили несколько маркеров, содержащихся в самом тексте.

Это прежде всего упоминание о романе М. П. Арцыбашева «Санин», отдельное издание которого появилось в 1908 году, и указание на то, что со смерти Тургенева прошло два десятилетия. Разумеется, для того, чтобы быть точным, следует сказать, что два десятилетия со дня смерти Тургенева прошло не в 1908, а в 1903 году, но в то время упомянутого романа Арцыбашева еще не было в печати. Следующей

⁶¹ Розанов В. В. Ив. С. Тургенев (К 20-летию его смерти) // Розанов В. В. О писательстве и писателях. Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 138.

⁶² Пильд Л. Тургенев в восприятии русских символистов (1890—1900-е годы). Тарту, 1999. С. 14, 114, 117.

⁶³ Андреев Л. С. О. С. Дневник (1914—1919). Письма (1917—1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918—1919) / Под ред. и со вступит. ст. Р. Девиса и Б. Хелмана. М.; СПб., 1994. С. 153. Запись от 21 октября 1918 г.

⁶⁴ Там же. С. 158. Запись от 11 ноября 1918 г.

возможной юбилейной датой следует назвать 1913 год, что тоже возможно, однако в этот год исполнилось бы не 20, а 30 лет со дня смерти писателя.

Скрытый выпад против Горького («болезненное явление русской жизни, от босяков до Саниных») вряд ли позволил бы отнести публикуемый очерк к юбилейному 1903 году, поскольку многое в этом очерке определяется именно размышлениями автора после, а не до революции 1905 года. «Если умственная и общественная жизнь за последние два десятилетия прошла над нами в смутных очертаниях, без ярких центральных образов, если русская революция до сих пор не имеет своей эпопеи, — размышляет Минский, — то это произошло, быть может, потому, что среди нас нет Тургенева, что мы сошлись сегодня как потомки, празднующие годовщину его смерти, а не как современники, празднующие годовщину его рождения».

В 1908 году Минский находился в Париже, куда после Бельгии эмигрировал в январе 1906 года, спасаясь от суда и тюрьмы за участие в большевистской газете «Новая жизнь». ⁶⁵ Здесь он попадает в культурный и идеологический вакуум, лишившись какой бы то ни было возможности публиковаться. И только с 1909 года Минский начнет поставлять свои корреспонденции в московскую газету «Утро России» как ее парижский представитель.

Вероятнее всего, обнаруженная машинописная статья была прочитана Минским в Париже в качестве юбилейного выступления. Схожим образом его статья «Леонид Андреев и Мережковский» (хранящаяся в этом же фонде: Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 113) первоначально прозвучала в качестве доклада на секционном заседании Парижской эмигрантской кассы 6 марта 1908 года. ⁶⁶ Впоследствии этот текст выступления о Тургеневе как базовый был, безусловно, использован Минским при написании мемуарных очерков 1921 и 1931 годов.

Следует добавить, что в этом же фонде хранятся обширные, но фрагментарные неопубликованные наброски Минского к статье (или лекции) о Толстом и Достоевском (Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 45), отдельные высказывания из которой о Тургеневе приводятся в комментариях к публикуемому ниже тексту.

Машинопись содержит рукописную правку, которая воспроизводится в настоящей публикации (зачеркнутые слова даются в квадратных скобках, в ломаных раскрываются сокращенные слова). В основном сохраняются грамматические и синтаксические особенности текста, однако в отдельных случаях он приводится в соответствии с современными нормами.

В ярком и славном созвездии, образуемом творцами русского романа, ярче и славнее всех прочих горят три светила первой величины, три всемирно признанных гения: трепещущий [желтыми] багровыми лучами и тревожный болезненный гений Достоевского, пылающий белым светом проникновенный гений Толстого и теплящийся голубым сиянием отрадный гений Тургенева.

Судьба и творчество этих трех корифеев русского романа так тесно связаны между собой, что трудно говорить об одном, не упоминая о других, и невольно возникает вопрос об их сравнительной величине и яркости. Во имя истины надо сознаться, что в последние годы лучи тургеневской славы если и не потускнели, то, во всяком случае, не уси-

⁶⁵ См.: *Минский Н.* История моего редакторства // *Новая жизнь.* 1906. 13 марта. № 55. С. 2—34; см. также: *Мейлах Б.* Символисты в 1905 году // *ЛН.* Т. 27—28. С. 168—179.

⁶⁶ См.: *Сапожков С.* Поэзия и судьба Николая Минского. С. 66.

лились в блеске, между тем как свет, излучаемый словом Достоевского и Толстого, с течением времени становится как бы все напряженнее и ближе к нам. В атмосфере русского сознания как будто произошло нечто такое, что делает ее лучшим проводником для слов тревожных и испытующих, нежели для слов гармонически созерцательных. Но если так, то нельзя ли предполагать, что некоторое умаление тургеневской славы объясняется причинами временными и внешними и что наступит день, когда она вспыхнет с прежнею или еще с большею силой?

Если сравнить между собой творчество наших трех великих прозаиков, то увидим, что главной отличительной чертой Достоевского и Толстого является их страстная субъективность, между тем как творчество Тургенева проникнуто насквозь бесстрастной, созерцательной объективностью. Достоевский и Толстой — апостолы своей правды и мученики своего апостольства. Тургенев не апостол, а художник слова, не пророк будущей правды, а внимательный наблюдатель [текущей] свершившегося мига. Толстой и Достоевский влюблены в открывшуюся внутри их правду Божию, Тургенев влюблен в раскрывающийся вне его Божий мир. Толстой и Достоевский любят Россию и русский народ, потому что видят в народной жизни наиболее полное воплощение своего вселенского идеала.¹ Тургенев любит русский народ ради него самого, видит в нем ближайшую, родную, наиболее понятную сферу художественных созерцаний. Толстой и Достоевский великие христиане, и о них можно сказать, что в последнем счете они любят Бога, а не мир, который кажется им несовершенным, нуждающимся в ломке и преобразовании.² В особенности это применимо к Толстому, который настолько больше дорожит идеалом, чем действительностью, что если бы [он был бы в силах] на то была его воля, он, кажется, по выражению Ибсена, бросил бы этот неудавшийся мир в плавильную ложку, чтобы отлить новую, более праведную, более толстовскую вселенную.³ Тургенев великий язычник, потому что он любит мир как неиссякаемый родник всякой красоты, как воплощение [вечного] всякого разума. [Если Тургенев не ищет Бога в мире, то потому, что для него сам мир есть божество].⁴

Роман Достоевского и Толстого — это творчество в бурю и грозу. Слово их требовательное, будящее совесть, побуждающее волю, бьющее о сознание читателя, как разъяренные волны о берег. Каждый роман Достоевского или Толстого написан с этической целью, что-то доказывает, чему-то поучает. «Преступление и наказание» доказывает бессилие возмущенной личности перед законом милосердия. «Анна Каренина» доказывает бессилие любящей личности перед законом семейного долга.

Субъективность творчества ведет к тому, что у Достоевского и Толстого почти нет типов, а есть герои, устами которых художник провозглашает свою правду. Этой же субъективностью объясняется и то, что Достоевский и Толстой брали героев своих из определенной симпатичной им среды. В герои к Толстому мог попасть лишь князь или мужик, к толпе же разночинцев-интеллигентов он относился с презрительным равнодушием, не замечал их [исканий и борьбы] духовной жизни, и если

иногда выводил интеллигента, то единственно с целью вышутить представителей ненавистной ему культуры — суда, администрации, медицины. Достоевский же относился к русской интеллигенции уже с явной злобой, смотрел на нее, как на болото, откуда он вылавливал своих «бесов».

Объективное творчество Тургенева обвеемо тишиной и гармонией. Та общественность, которую он отражал в своих произведениях, была сама по себе полна движения и страсти, но [гений] дух художника, отражавший эту взволнованную общественность, оставался прозрачно-бесстрастным [вернее], подобно водной поверхности в великий штиль [недвижно зеркал] недвижимой, [и] вследствие неподвижности зеркальной и вследствие зеркальности — отчетливо отражающей каждую ветку на берегу, каждую тучку в небе. Оттого образы, созданные Тургеневым, так разнообразны, так внешне автономны, так типичны. По этой же причине Тургенев брал своих героев отовсюду — из народа, из дворянства, из интеллигенции, особенно из интеллигенции, не вследствие [особенных] исключительных симпатий к ней, а потому что жизнь Рудиных, Базаровых, Неждановых⁵ была разнообразнее, изменчивее, [полнее впечатлений] обильнее событиями и красками, нежели жизнь крестьян и помещиков. Хотя Тургенев закреплял в своих романах типы и явления, уже возникшие в действительности, однако по своей необычайной чуткости он может быть назван в некотором роде пророком действительности, ибо умел предугадывать, улавливать [закреплять] в художественные образы черты, еще никому не видимые, как бы еще не существовавшие.

[Никогда не забуду я, как незадолго до своей смерти Тургенев, рассказывая мне]

Незадолго до своей смерти Тургенев, рассказывая одному приезжему литератору о задуманных им работах, между прочим, довольно подробно излагал содержание романа, который по психологии его [центрального] героя должен был называться «Самист».⁶ Собеседник Тургенева в то время слушал его рассказ с некоторым удивлением, так как психология Самиста казалась ему небывалой и слегка придуманной. Но впоследствии, присматриваясь к русской действительности, к легиону возникших у нас мегаломанов и хвастливых сверхчеловеков, он часто вспоминал о ненаписанном романе Тургенева и удивлялся прозорливости этого гения, провидевшего все это болезненное явление русской жизни, от босяков до Саниных,⁷ в то время когда сами творцы этих типов еще не имели о них никакого представления. Если умственная и общественная жизнь за последние два десятилетия прошла над нами в смутных очертаниях, без ярких центральных образов, если русская революция до сих пор не имеет своей эпопеи, то это произошло, быть может, потому, что среди нас нет Тургенева, что мы сошлись сегодня как потомки, празднующие годовщину его смерти, а не как современники, празднующие годовщину его рождения.

Хочу указать в двух словах еще на одно — последнее — коренное различие между этими тремя художниками. Толстой и Достоевский как искатели Бога и вечной правды все свое внимание устремляли на чело-

веческую душу в ее тайных переживаниях, Тургенев же, не искавший Бога, потому что [сам] весь мир был для него божеством, созерцал не только переживания русского человека, но с тою же любовью [воссоздал] закрепил в слове, возвел в перл создания и русскую природу. У Достоевского, как известно, пейзаж почти отсутствует. Толстой лишь редко и скупно, и то лишь в связи со своей нравственной проповедью, могучими и страстными мазками набрасывает [иногда] картину русского сенокоса или русской метели. Но во всем своем беспредельном разнообразии, со всеми оттенками своих стыдливых весен и суровых зим, во всей правдивости своих грустных равнин и нахмуренных лесов русская природа [закреплена] живет и дышит только в произведениях Тургенева. На страницах его рассказов шумят деревья и звучат ключи так родственно и так радостно, как будто мы им [именно] внимали в первом детстве. И то же самое, что о русской природе, следует сказать о русском языке. Толстой и Достоевский, предпочитая правду красоте, [форму] содержание форме, должны были [высказать] обнаружить это предпочтение и в своем стиле. В их произведениях слова, фразы [являются] служат лишь могучим орудием, молотом и наковальней для выковки мыслей и чувств. Тургенев и тут является художником гармонии, и для него слово не средство, а цель. Его фразы — самоцельные ценности, отшлифованные многогранные алмазы созерцания, — и не удивительно, что последняя мечта, последняя молитва Тургенева была о великом, прекрасном русском языке.

Теперь, мне кажется, станет понятным, почему слава Тургенева в последние годы как будто умалилась в сравнении со славой Достоевского и Толстого. В эпоху, пережитую нами, в эпоху борьбы и революции творчество страстной субъективности должно было больше задевать душу читателя, нежели творчество гармонии и созерцания. [Толстой и Достоевский] Пророки реформации, какими [были Толстой⁸] следует считать Толстого и Достоевского, больше волновали нашу совесть, нежели художник Ренессанса, каким был Тургенев. Но ведь период борьбы, исканий и разрушения будет длиться не вечно, и русская революция вступит в фазис созидания и ренессанса. В это, будем надеяться, недалекое время обаяние тургеневского слова достигнет нового могущества, и голубое задумчиво-грустное сияние его гения разгорится над русской литературой с новой силой.

Тургеневу [может быть] принадлежит будущее.

¹ Схожая мысль высказывалась Минским и ранее, ср.: «Только с того момента, когда русский народ в лице Достоевского и Толстого возвысился до изображения не случайных, а вечных сторон своего духа, наша литература вошла в состав европейской и наши писатели сделались всемирными учителями» (*Минский Н.* Генрик Ибсен, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1897 [На обл.: 1896]. С. 5).

² В недатированных обширных набросках Минского к статье (или лекции) о Толстом и Достоевском (*РО ИРЛИ.* Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 45) содержится схожие высказывания: «Два больших течения русской литературы: религиозное (Гоголь — Толстой — Достоевский — Лесков) и политическое (Герцен, Некрасов, Щедрин, Гл. Успенский — почти все

критики и публицисты). Общие им цели — народность и служение правде, а не красоте (художеств<енная> правда — невольный результат правды нравственной). Посреди их небольшое место занимают эстетика (Тургенев и несколько поэтов). <...> Т<олстой> и Д<остоевский> служат народу не обличением зла, а раскрытием таящейся в русской натуре душевной красоты. И воспроизведение этой внутренней правды сделано в литературе простотой, искренностью, реализмом, коих греки создавали образцы великой красоты и героизма. Святость народной души в реальности художественного воспроизведения. <...> Т<олстой> — художник русской искренности, Д<остоевский> — русской святости. Различие и в содержании идеала (у Т<олстого> — любовь к людям, у Д<остоевского> — любовь к Богу), и в темпераменте» (Л. 3—5). См. также примеч. 8.

³ У Ибсена Пуговичный мастер обращается к Перу Гюнту:

Видишь ложку?
Пора тебе в нее. <...>
Могила вырыта, и гроб заказан.
Червям богатый пир готовит тело,
А мне Хозяин поручил взять душу. <...>
Надобно тебя расплавить.
И перелить. <...>
Обычай этот так же древен, как
Происхожденье змия, и рассчитан
На то, чтоб матерьял не пропадал.
Ты смыслишь в нашем ремесле и знаешь,
Что иногда литье не удается,
И пуговица выйдет без ушка <...>
Пуговицей вылит
Ты для жилета мирового был,
Но вот ушко сломалось, отскочило,
И предстоит тебе быть сданным в лом,
Чтоб вместе с прочими быть перелитым.

На что Пер Гюнт спрашивает, пытаюсь уйти от Пуговичника:

Меня расплавить вместе с первым встречным
И вылить нечто вновь из общей массы?.. <...>
Войти частичкой,
Ничтожным атомом в чужое тело,
Утратить «я» свое, свой гюнтский облик,
И перестать «самим собою» быть?!

(Ибсен Г. Пер Гюнт // Ибсен Г. Полн. собр. соч.: В 8 т. СПб., 1909. Т. 1. С. 378—381 (пер. А. и П. Ганzenов). Минский использует этот образ и в своей книге об Ибсене: любовь Сольвейг «каким-то чудом спасла Пер Гинта от заслуженной им кары — попасть в плавильную ложку и быть отлитым в новый образ, так как в нынешнем виде он не стал самим собою, не возвысился до индивидуальности ни в добре, ни во зле» (см.: *Минский Н.* Генрик Ибсен, его жизнь и литературная деятельность. С. 37).

⁴ Схожая мысль содержится в статье Минского «Генрих Ибсен и его пьесы из современной жизни»: «Но как решить, кто из этих двух писателей (Толстой и Тургенев. — С. И.) истинный пессимист: не верующий в вечное счастье и столь чувствительный к земной красоте язычник-Тургенев, или аскет Толстой, отрицающий красоту и любовь земли во имя вечного блага?» (Северный вестник. 1892. № 9. С. 76).

⁵ Главные герои романов Тургенева «Рудин», «Отцы и дети», «Новь».

⁶ «Самист» — неосуществленный Тургеневым замысел романа. См. о нем: Орловский вестник. 1882. 10 (22) января. № 7; Одесский листок. 1881. 20 декабря (1 января 1882). № 221. См. также: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 12. С. 796. Об этом неосуществленном замысле Тургенева говорится и в воспоминаниях Минского «Три часа у И. С. Тургенева».

Ср.: «Вот и теперь я занят этой работой. Задумываю новый роман, который будет называться „Самист“. Вас удивляет это слово? Самист — это значит человек, который признает в мире только себя самого, свои собственные желания, страсти. Это новая последняя разновидность нигилиста». И далее: «Тургенев задолго предвидел „Санина“ Арцыбашева и в лице Самиста предугадал тип русского интеллигентного хулигана, сыгравшего такую печальную роль в нашей революции» (*Минский Н.* Три часа у И. С. Тургенева. С. 12—13).

В очерке Минского «Встреча с Тургеневым» сведения об этом замысле также не расходятся с имеющимися: «Пишу я теперь роман под заглавием „Самист“. И, видя мое недоумение, стал объяснять.

— „Самист“ — это новый тип человека, который признал только себя и сам себя считает мерилем вещей. <...> Насколько могу судить по отрывочным словам Тургенева, он имел в виду тип, который потом был изображен Арцыбашевым в „Санине“» (*Минский Н.* Встреча с Тургеневым. С. 23).

⁷ Роман Михаила Петровича Арцыбашева (1878—1927) «Санин» (Современный мир. 1907. № 1—5, 9; отд. изд. — СПб., 1908) вызвал шумную дискуссию в печати, в основном, о главном герое, отрицающем нравственные нормы, и приобрел феноменальную популярность и скандальную известность благодаря проповеди вседозволенности и безудержной чувственности, что повлекло запрещение издания. Против автора было возбуждено судебное преследование по статье о порнографии, однако суд не состоялся. Л. Н. Толстому роман не понравился, но он признавал, что у Арцыбашева есть «художественная способность» (*Толстой Т.* 78. С. 59. См. также с. 60). М. Горький обвинял автора в пошлости и апологии животного начала в человеке: «Санин» является «не первой попыткой мещанской идеологии указать тропу ко спасению неуклонно разрушающейся личности, — и до книги Арцыбашева не однажды было рекомендовано человеку внутренне упростить себя путем превращения в животное» (*Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 47). В статье «Идейная порнография» (1908) К. И. Чуковский отмечал, что сексуальное раскрепощение преподнесено в романе в виде некоего «учения», наравне с народничеством или марксизмом (Речь. 1908. 11 декабря. С. 2). А. Блок охарактеризовал «Санина» как «самое замечательное произведение» Арцыбашева, а главного героя — как «настоящего человека с непреклонной волей» (Золотое руно. 1907. № 11—12. С. 97). Публикация романа «совпала с началом эпохи реакции, и объективно его герой выглядел рупором обозначившегося пересмотра идеалов и принципов шедшей на спад Революции 1905—07» (*Лепехин М. П., Чанцев А. В.* Арцыбашев М. П. // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 114; см. также: *Данилин Я.* «Санин» в свете русской критики. М., 1908). Арцыбашев намеренно использовал имя героя повести Тургенева «Вешние воды». См. также: *Орловский П.* <Воровский В. В.> Базаров и Санин: Два нигилизма // Литературный распад: Критический сб. СПб., 1909. Кн. 2. С. 144—164.

⁸ Это определение дословно повторяет заглавие статьи Минского «Толстой и реформация», написанной чуть позже воспоминаний и впервые опубликованной в кн.: *Минский Н.* На общественные темы. СПб., 1909. С. 246—255. Называя Толстого «новым Лютером» и «первым провозвестником новой реформации», он обосновывает свое утверждение тем, что Толстой, «в противоположность поклонникам абсурда, устранил из религии <...> неразумное. Религия Толстого, это — религия мистического разума, — религия без веры в чудеса. Явившись в век сомнения и безверия, Толстой показал, что истинная религия не боится безверия. В этом новизна и могущество возмущенной Толстым религиозной реформации» (*Минский Н. I.* Толстой и реформация. II. Идеи «Саломеи». М., 1910. С. 19—20, 23). Любопытно, что в этой статье, написанной через год после публикуемой, и в отличие от нее, Достоевскому уже совершенно не отводилась (наряду с Толстым) роль «пророка реформации»; более того, под упоминаемыми тут противоположными Толстому «поклонниками абсурда» Минский имел в виду именно Достоевского, который, «утверждая, что если бы ему предстояло сделать выбор между истиной и Богом, он предпочел возвысить божественное над человеческим, а на самом деле охулил то и другое. <...> Таким образом, ищущие Бога в отрицании истины и разума обретают отрицательное божество (абсурдная религиозность Достоевского, имея в виду слова Тертуллиана: credo quia absurdum)» (Там же. С. 12—13).